

С.И. Лучицкая  
**ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ДИСКУССИИ**

Будучи по роду занятий медиевистом-западником, я могу рассуждать о русской культуре лишь как человек, находящийся внутри этой культуры. И тем не менее название "круглого стола" провоцирующее, что дает мне право прикоснуться к этой тематике. Мы ведь собираемся заниматься сравнительной историей - как же тут без второй (а то и третьей) составляющей, ведь речь идет о сравнении, значит, подразумевается, что русскую культуру с чем-то сравнивают, почему бы не с Западом. Кстати, медиевистика в нашей стране возникла из споров западников со славянофилами, ее рождение связано с размышлениями о русской идее, о своеобразной судьбе России. Занимаясь западным средневековьем, мы невольно оглядывались на российскую историю, ведь в итоге мы изучаем Западную Европу для того, чтобы понять самих себя. Мне не довелось участвовать в дискуссии русистов, но я позволяю себе выступить в роли читателя материалов "круглого стола". Мне, как и любому историку, интересно ознакомиться с состоянием дел в русистике. Таковую возможность редколлегия "Одиссея" предоставляет нам, читателям альманаха. То, что я здесь пишу - это мои, читателя, собственные впечатления, но они, я думаю, могут возникнуть и у других.

Итак, к теме дискуссии. Вопрос о специфике русской культуры поставлен чрезвычайно широко, границы обсуждения строго не определены (как сказано, "задача сводится к задаче"), и это позволило специалистам высказываться свободно и обсуждать наболевшие вопросы непринужденно. Как заметил А.Л. Юрганов, цель дискуссии состоит в том, чтобы проанализировать, так сказать, "подсознание" (курсив везде мой. - СЛ.), она некое "симптоматическое отражение общей научной ситуации", "фотографически точное воспроизведение неких поисков", актуальных если не для всех, то хотя бы для части русистов. Что ж, идея вывести в дневное сознание некоторые еще не вполне отрефлектированные и проговоренные проблемы в высшей степени плодотворна. Правда, не совсем понятно, как эта тема сопрягается с другой, тут же заявленной - выявление "метафизической целостности" культуры и даже сути ее "метафизической реальности". К сожалению, этот загадочный оксюморон остается нерасшифрованным. У меня сразу же возникает масса вопросов. Возможно, они вызовут улыбку у специалистов по Древней Руси, но ведь сам А.Л. Юрганов утверждает, что "самые трудные вопросы - детские". Можно догадываться о том, что, говоря о "метафизической реальности", Андрей Львович намекает на комплексный подход к русской культуре, что он против дробления культуры на отдельные составляющие, что он стремится постичь культуру как единое целое и т.д. Мне как читателю было бы интересно узнать, что составляет это "единое целое", каковы неизменные и общие начала русской культуры. Основанием такой "метафизической реальности" является, по мысли А.Л. Юрганова, язык. В каком же смысле употребе-

но это слово? Полагаю, что, конечно же не в том философском, герменевтическом, который имел в виду, скажем Гадамер, говоря, что мир проявляет себя (sich darstellt) через язык, ведь он утверждал это в самом общем смысле, безотносительно к какому-либо языку или культуре. Какой же язык подразумевается? Поскольку на обсуждении речь шла в значительной мере о Древней Руси, у читателя может возникнуть вопрос - русский или церковнославянский. Если имеется в виду этот сакральный язык и Священное писание, то можно возразить - ведь они были скорее медиумом восточного христианства. Можно ли отождествить православие и русскую культуру? Как тут быть с оппозицией грамотные/неграмотные? Быть может, под "языком" Андрей Львович все-таки подразумевает язык культуры, некую всеобъемлющую знаковую систему, которая была универсальной для всего древнерусского общества? Какова же эта семиотическая система? К каким общим алгоритмам А.Л. Юрганов стремится свести все многообразие форм социальной и культурной жизни русского средневековья?

Чаще всего, пытаюсь определить то, что лежало в основе социальных и культурных феноменов древнерусского общества, Андрей Львович говорит о "чем-то неуловимом" в русской культуре, что стремятся постичь русисты, о специфическом для нее "противоречии между несовершенством тварного мира и состоянием, которое по настрою мыслительной деятельности человека должно быть", о характерном для русской культуры "убывании социально-психологической гомогенности", в котором, собственно, и заключается ее "метафизическая реальность". По правде говоря, меня как читателя такая интерпретация не совсем устраивает. Но ведь, как признается сам организатор дискуссии, речь идет не столько о ясных рассуждениях, сколько о чувствах, "ощущениях", которые, видимо, не поддаются рефлексии и вербализации. Погруженный в поток этих "ощущений", читатель чувствует себя растерянным. Невнятность многих формулировок оставляет его в некотором недоумении. Мысль часто кипит, но так и не пробивает себе русла... В общем складывается впечатление, что мы пока еще не нашли адекватных способов изучения русской культуры в качестве целостности. Есть некоторые смутные догадки о том, что это такое. Как иронично заметил по другому поводу И.Н. Данилевский, "душа чувствует". Но мне кажется, историк не вправе полагаться только на свои "ощущения", его "исследовательская интуиция" должна найти опору в научной методике. Все же пока остается неясным, какой "набор" категорий может войти в "модель мира" русского средневековья. Ссылка же на общину, которая, по словам А.Л. Юрганова, является неотъемлемым признаком социального опыта России, ставит перед читателем вопрос: что именно подразумевает Андрей Львович под "общиной" и можно ли говорить, что существование этого института характерно для всех периодов российской истории?

Интересно, что притязание на философское и, я бы даже сказала, теософское осмысление проблемы соседствует с заявлением (со ссыл-

кой на А.А. Зимина) о том, что всякое "научное творчество должно начинаться с источника, а завершаться обобщением", вытекающим из его анализа. Именно поэтому Андрей Львович против бездумного применения "передовых" теорий, западной эпистемологии и разрабатываемых в мировой историографии подходов, которые, с его точки зрения, могут быть только "веригами на теле" специалистов по Древней Руси (это не мешает ему, однако, при случае сделать критическое замечание относительно деструктивной природы постмодернизма, а ведь именно это течение мысли - своеобразный эпистемологический прорыв как раз в изучении семиотики культуры). "Путь к теории", по мнению А.Л. Юр-ганова, "прокладывает анализ первоисточников", а древнерусские источники, как ни верти, не подходят к "передовой эпистемологии". Не приводит их анализ, считает Андрей Львович, к тем теориям, которые ныне господствуют на Западе. Изучение русского средневековья при таком взгляде представляется неким хождением по кругу, которое неизбежно приводит в тупик. Подобный ход рассуждений мне представляется в высшей степени странным. Возникает знакомый образ Фюстель де Куланжа: "... годы анализа... подготавливают один день синтеза". Неужели можно думать, что все дело в источнике, в исследуемом материале, в котором в свернутом виде уже содержится информация о ходе исследовательского поиска, и отказывать историку в интеллектуальной активности? Или полагать, что она начинается лишь тогда, когда он приступает к обобщению? А в тот момент, когда он анализирует источник, его сознание выключено? Быть может, имеет смысл с самого начала изменить исследовательские подходы к анализу первоисточника, задавать ему другие вопросы, и тогда, возможно, и выводы будут другими? Вспомним, как комментировал тезис Фюстель де Куланжа Марк Блок: «"Анализ" лишь тогда будет пригоден для "синтеза", когда он в принципе имеет его в виду и призван ему способствовать». Речь, по-видимому, идет не об обобщении, вытекающем из анализа специфических древнерусских источников, а о стойкой традиции, которую по понятным причинам трудно переломить. Кстати, "никакой современной эпистемологии в цельном виде" действительно не существует и не существовало никогда. В мировой науке, во всяком случае, плюрализм всегда присутствовал. Странно было бы, если бы в умах историков господствовало некое "единомыслие". Современная ситуация тем и интересна, что позволила выявить самые разные и порой парадоксальные точки зрения. Но разнообразие подходов не отменяет желательности для историка знакомства с ними. Думаю, что углубленное изучение иных подходов, общих теоретических или междисциплинарных, вряд ли бы повредило занятиям специалистов Древней Руси. И уж в любом случае эти принципиально иные постановки вопроса не стали бы "веригами на теле" русистов, а, быть может, хотя бы в какой-то мере способствовали некоторой деконструкции сложившихся в русистике мифов, привычных понятий и представлений (которых, наверное, как и в нашей медиевистике, немало). Это бы, возможно, открыло какие-то новые исследова-

тельские горизонты. С чего началась историческая антропология XX в., как не с применения разработанных в этнологии подходов к историческому материалу, что привело к мощному расширению наших представлений, в частности о средневековье. Думаю, сейчас особенно важно признать необходимость выхода за эпистемологические пределы, установленные существующей в советской и российской науке традиции.

Мне кажется в связи с этим весьма симптоматичным признание А.В. Каравашкина в том, что ему было бы интересно прежде всего выявить само направление поиска в русистике. Это, видимо, болевая точка проблематики историков-русистов, которые, как представляется по материалам дискуссии, сейчас на перепутье и ищут новые подходы. Примечательно и заявление А.В. Гордона, что настало время начать критический анализ "национального мифа". Национальная память, миф, однако, не возникают сами по себе. Они создаются, рефлектируются в исторических трудах. Между ними и памятью нации, несомненно, есть связь. Если бы удалось осуществить своеобразную деструкцию национальной истории, ее представлений и мифологии, то это позволило бы избавиться от многих *idola fori*. Такой опыт есть у французских историков. Я имею в виду созданную П. Нора и его сотрудниками новую национальную историю Франции. Эти историки нашли в себе смелость рассмотреть проблему французской идентичности под совершенно новым углом зрения, отнестись к своей историографии как некоему роду памяти и, поставив под сомнение привычные мифы, создать новую историю Франции.

Ряд наблюдений русистов у меня, медиевиста-западника, невольно вызывают желание провести некоторые параллели. Например, наблюдение А.В. Каравашкина о переходной к "новому" времени эпохе XVII в. В Западной Европе приблизительно в то же время произошел подобный же переход от космологии к истории, от сакральной истории человечества, протекающей в ожидании Страшного суда, к другому типу историчности. Это и было "расколдование мира" (по Веберу), разрушение цельной символической системы мирозерцания, которое привело к усложнению и фрагментации картины мира.

Мне как медиевисту-западнику показались в высшей степени интересными соображения И.Н. Данилевского о сопоставлении тезауруса русской и западноевропейской средневековой культур. Здесь могут быть несовпадения, которые выявят существенные черты каждой культуры. Начать хотя бы с того, что западное мышление отличалось большей формализацией (в итоге именно благодаря ей состоялся западный рационализм), и понятийно-категориальный аппарат ее был намного лучше разработан. Западная культура постоянно размышляла над тем, что являлось предметом ее рефлексии, и поэтому категории мышления применительно к западному средневековью изучать, наверное, в какой-то мере проще. Эти категории вербализованы, четко разработаны. Видимо, сказалось влияние аристотелевской традиции, из которой выросла западная схоластика, причувившая средневекового человека рас-

членить мысль на отдельные понятия, строго формулировать суждения. В России такой христианской рецепции Аристотеля не произошло, и это обстоятельство, по-видимому, не могло не повлиять на склад мышления русского человека. Это расхождение в типах культуры мышления, очевидно, составит некоторые трудности при сопоставлении, но оно же может привести к выявлению специфики феноменов русской и западной культур.

Итак, в целом получился рассказ специалистов о занимающих их сюжетах и проблемах. Имели ли эти рассказы отношение к общей методологической проблеме, которая была сформулирована вначале, об этом читателю остается только гадать. У меня такое впечатление, что идея "метафизической целостности" русской культуры (своего рода *universalism ante rem*), кажется, никого всерьез не заинтересовала. Она вызвала лишь робкие возражения А.Л. Зорина, который предложил все-таки сначала договориться о терминах. Она побудила И.Л. Беленького заняться *Begriffsgeschichte* и выяснять значение термина "русская культура" в различных смысловых оппозициях и контекстах. Боюсь, что этот анализ рискует быть незавершенным, ибо семантическое поле исследуемого термина весьма неопределенно. Также не оправдала себя претензия на компаративистский подход, заявленной в названии "круглого стола". А жаль. Ведь есть много тем, которые было бы интересно обсуждать и западникам и русистам. Ведь, в конце концов, мы пытаемся изучить иное средневековье, и для лучшего понимания восточного христианства важно знать другую, западную, половину и наоборот. Кстати, именно Марк Блок в ряде своих работ обращался к сравнению с православным Востоком. Но бесполезно призывать к компаративизму, ничего не говоря о том, как практически реализовать этот метод. Мы предполагали обсудить с русистами некоторые методологические процедуры подобного рода. К сожалению, такой разговор остается делом будущего.

Жаль, что далеко не всех интересуют история государства и права - та сфера, в которой расхождение двух культурных традиций, наверное, проявилось в полной мере. Начать хотя бы с того, что на Западе светская и церковная власти постоянно находились в состоянии противоборства, ни одна из них не одержала верх - в результате произошло разделение властей, которое явилось мощным стимулом для развития права. Все эти процессы сопровождалось к тому же рецепцией римского права и возникновением сословия юристов. Правовой плюрализм стал отличительной особенностью средневековья Запада. На Руси, по-видимому, все было иначе. Здесь церковь и корона освятили государственную власть правителя и подчинили ей собственность и право. Потому общество оказалось поглощенным государством. Я думаю, сравнение взаимоотношений светской и церковной власти в Западной Европе и Древней Руси позволило бы выявить специфику многих явлений. Здесь, в этой точке, пути Запада и Востока разошлись глобально.

Думаю, одной из важных тем обсуждения могло бы быть сравнение интерпретации текстов Священного писания в русской и западной культурах. Мне кажется весьма существенной проблема специфики сакральных образов. Важно было бы узнать, насколько различной на Востоке - Византии и Древней Руси - и на Западе была концепция религиозных образов, как разошлись пути в критический для средневековья период после иконоборчества. Все эти вопросы невольно возникают, когда читаешь заголовок дискуссии.

"Фотографический снимок подсознания" русистики, сделанный в ходе дискуссии о русской культуре, зафиксировал многие интересные "мысли в рождении". Возможно, это симптом возникновения новых идей и концепций. И я надеюсь, что заявленная на "круглом столе" тема сравнительной истории получит свое дальнейшее развитие. А потому хочется закончить словами М. Блока: "... пора, если угодно, перестать вести бесконечные беседы о своей национальной истории, не понимая друг друга. Диалог глухих, где каждый отвечает невпопад на вопросы другого, - старый комедийный прием, им хорошо развлекать публику, падкую на смешное, но превращать его в интеллектуальное упражнение - занятие довольно сомнительное.